

Мордовцев Даниил Лукич

Последние дни Иерусалима

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
Последние дни Иерусалима / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2025. –
113 с.

ISBN 978-5-519-97404-2

ISBN 978-5-519-97404-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Веспасіану.—Въ память заслугъ твоихъ отцу моему, божественному Клавдію-Августу императору, я вручаю тебѣ начальство надъ моими легіонами въ Сиріи и въ соединенной Іудеѣ съ Самаріею и Галилеею. Иди и раздави схида, подползающую къ моему подножію. Но помни, что іудеи это выронокъ въ семьѣ народовъ всего міра: они не простодушные варвары непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ Германіи, которыхъ усмирилъ ты легіонами моего божественнаго родителя; іудеи не галлы, которые когда-то бросали въ лицо побѣжденному Риму «vae victis» *), и которымъ Римъ возвратилъ этотъ кичливый крикъ на ихъ побѣдную голову; іудеи не угрюмые бритты, которыхъ клевать легіоннымъ орламъ моего божественнаго родителя ты, ты повелѣлъ; іудеи не хмурые иберы Испаніи, идущіе въ битву подобно ихъ быкамъ, разъяреннымъ видомъ пурпура. Нѣтъ, не забывай, покоритель Британіи, что іудеи единственный на землѣ народъ, котораго доселѣ ни приручить, ни покорить не могли сильнѣйшіе народы міра, ни владыки Египта, ни владыки Ассиріи и Вавилоніи. Этотъ народъ-схида не признаетъ ни нашихъ, ни иныхъ боговъ, не повиновался никогда ни одному изъ владетелей земли, считая своимъ непосредственнымъ властелиномъ какого-то невѣдомаго Бога Іегову, которому даже Великій Александръ, сынъ Филиппа и Юпитера, смиренно приносилъ жертвы въ его храмѣ. Помни это, покоритель Британіи, и докажи этому выроду изъ всѣхъ народовъ, что боги Рима сильнѣе его невѣдомаго Бога и что нѣтъ и не было на землѣ другого народа, который не былъ бы задавленъ мощью народа, посылающаго своихъ орловъ, легіонныхъ орловъ Рима, во всѣ концы вселенной. Римъ своею пятою попираетъ головы всѣхъ рожденных на землѣ, пусть же эта пята наступитъ и на дерзкую голову іудея!

Неронъ любилъ говорить публично, потому что считалъ себя великимъ ораторомъ и великимъ артистомъ, хотя, въ сущности, былъ просто риторъ и артистъ ограниченной посредственности.

Тревожныя вѣсти изъ Іудеи застали императора въ Ахайѣ, въ городѣ Оивахъ, въ тотъ моментъ, когда Неронъ намѣревался отплыть въ Эгейское море на богато украшенной триремѣ **), окруженной цѣлою флотиліею военныхъ судовъ.

*) Горе—побѣжденнымъ!

**) Галера съ тремя рядами гребцовъ съ каждой стороны.

— Помни же, покоритель Британіи,—заклучилъ онъ свою рѣчь, уже вступая на трирему и обращаясь къ сопровождавшему его съ прочими сановниками Веспасіану,—что тебѣ придется имѣть дѣло съ народомъ поразительной духовной стойкости и силы. Но на духовную силу есть другая сила—желѣзо, изъ котораго выкованы мечи Рима, и это желѣзо должно подклонить гордую голову іудея подъ мою желѣзную пату.

Но если-бы Неронъ при послѣдней угрозѣ обратилъ самоувѣренный взоръ нѣсколько въ сторону, то на лицахъ двухъ стоявшихъ на берегу незнакомцевъ, и въ особенности въ ихъ глазахъ, онъ уловилъ бы нѣчто, но что, онъ не могъ бы разгадать.

— Желѣзо,—тихо сказалъ одинъ изъ нихъ, старикъ съ посохомъ и котомкой за плечами,—кто прибѣгаетъ къ желѣзу, отъ желѣза погибнетъ.

— Пхе!—презрительно кинулъ другой незнакомецъ, среднихъ лѣтъ мужчина, съ рыжею курчавою бородой.—Ты все бредишь непротивленіемъ злу насиліемъ... А зачѣмъ у тебя посохъ? Отъ собакъ?

— Знаю, знаю твою мудрость... Только духовную силу, кротость и смиреніе, не побѣдитъ мечомъ,—тихо, но увѣренно проговорилъ первый.

— А я тебѣ повторяю, старый младенецъ, что и духовную силу и физическую, желѣзо и мечъ, побѣдитъ золото... Я увѣренъ,—говорилъ второй,—что сегодня же Веспасіанъ обратится ко мнѣ за золотомъ: ему нечѣмъ платить легіонамъ, которые онъ долженъ вести противъ іудеевъ.

— И ты дашь это золото противъ своихъ соотечественниковъ?

— Дамъ непремѣнно.

— На гибель Іудей?

— Нѣтъ, на гибель тѣмъ, которые надѣются только на желѣзо... Чѣмъ больше они будутъ служить желѣзному богу, тѣмъ скорѣе овладѣетъ міромъ богъ золотой.

На триремѣ завывла мѣдная труба. Веспасіанъ и Титъ, и другіе, провожавшіе императора, поспѣшили сойти на берегъ.

Труба завывала во второй разъ. Три ряда длинныхъ, выкрашенныхъ бѣлою краскою веселъ взвились въ воздухѣ, подобно бѣлымъ крыльямъ гигантской морской птицы.

Третій вой трубы, и весла плавно опустились и вспѣнили бирюзовую поверхность моря. Трирема плавно двинулась, дѣлая полуоборотъ. Словно истуканъ подъ золоченымъ балдахиномъ, стоялъ на возвышеніи триремы Неронъ и съ презрѣніемъ державнаго паяца смотрѣлъ на удалявшіеся берега Эллады, гдѣ продолжалъ тѣлниться народъ, провожавшій изумленнымъ взоромъ властелина міра, еще недавно пожинавшего лавры клоуна.

Скоро попутный вѣтеръ надулъ пурпурные паруса императорской триремы, и она все болѣе и болѣе удалялась и какъ бы тонула въ дымчатой дали безоблачнаго неба Эллады.

Веспасіанъ въ послѣдній разъ взглянулъ на застилаемые дымкою пурпурные паруса и загадочно улыбнулся.

— Боги посылаютъ намъ испытаніе,—тихо сказалъ онъ, обращаясь къ сыну.—Иудея не Британія, и побѣдить іудеевъ это все равно, что побѣдить приливы оксана... Я знаю этотъ непостижимый народъ, онъ не побѣдимъ.

— Но онъ такъ малочисленъ, отецъ, какъ же ему устоять противъ легионовъ державы съ двухсотъ-милліоннымъ населеніемъ!—горячо возразилъ Титъ, машинально ударяя ладонью по рукояткѣ меча.

— О, Титъ! Іудеевъ можно истребить, но не побѣдить,—съ силою сказалъ Веспасіанъ,—духъ іудея, воля, вѣра въ духовное первенство на землѣ несокрушимы. Императоръ правъ былъ, говоря, что ни побѣдить, ни приручить іудеевъ не могли ни фараоны Египта, ни владыки Ассиріи и Вавилоніи.

— Но мы должны усмирить ихъ, отецъ, такова воля императора.

— Да, усмирить, но это не значитъ побѣдить.

— А вонъ, отецъ, къ стыду Рима, Цестій Галлъ не могъ ихъ даже усмирить,—замѣтилъ Титъ.

— Да... Но я стороною узналъ, что Цестій задерживалъ слѣдовавшее легионамъ жалованье.

— Это позоръ! — съ горячностью воскликнулъ Титъ. — Ты, отецъ, долженъ вознаградить за это легионы.

— Конечно... Мнѣ извѣстно также, что находящійся въ Египтѣ XV-й легионъ давно не получалъ жалованья. А этотъ легионъ мнѣ необходимъ, я покораю съ нимъ Британію... Я пошлю тебя пачальникомъ этого легиона: память отца перенесется любовью на сына.

— Благодарю, отецъ,—съ чувствомъ сказалъ Титъ.—Но золото, невыплаченное войнамъ легіона, можетъ замѣнить ихъ любовь къ отцу холодностью къ сыну.

— Понимаю... Но вонъ, я вижу, тамъ стоитъ самое золото,—улыбнулся Веспасіанъ, и указалъ глазами на двухъ незнакомцевъ: на старика съ котомкой и посохомъ и на рыжую бороду.

— Привѣтъ славному покорителю Британіи,—почтительно проговорила рыжая борода, приближаясь къ Веспасіану.—Да готовить свои лавры Беллона на голову усмирителя строптивыхъ іудеевъ.

— Въ томъ числѣ и Варнавы бенъ-Іошуа?—улыбнулся Веспасіанъ.

— Благодарный Веспасіанъ знаетъ, что Варнава бенъ-Іошуа не бунтовщикъ: я былъ всегда слугой Рима,—отвѣчала рыжая борода.

— Не ты, а твое золото слуга Рима,—съ улыбкой замѣтилъ Веспасіанъ.—А, и новый Діогенъ тутъ,—продолжалъ онъ, замѣтивъ старика съ котомкой и посохомъ.

Тотъ молча поклонился.

— А твое золото перестало служить Риму, почтенный Салафіиль,—сказалъ Веспасіанъ, отвѣчая на поклонъ.—Гдѣ оно?

— Пропито нищими,—лукаво кивнулъ головою на старика Варнава.—А теперь самъ нищій.

— Не нищій я, а богаче тебя,—спокойно возразилъ старикъ, котораго называли Салафіиломъ.

— Старый безумецъ!—засмѣялся Варнава.—Говорить, что каждый талантъ, розданный имъ нищимъ, превратился «тамъ», а гдѣ «тамъ», онъ самъ не знаетъ, въ семь талантовъ... Мало того, старый чудакъ утверждаетъ, что если у тебя попросятъ тунику, отдай и палліумъ (рубаху), а ударять тебя въ лѣвую щеку, подставь и правую.

— Слышалъ я эти бредни,—брезгливо замѣтилъ Веспасіанъ.—Теперь ваши соотечественники ударили Римъ, въ лицѣ Цестія Галла, въ лѣвую щеку, Римъ долженъ подставить имъ и правую, въ моему лицѣ.

— О! Не бывать этому!—пылко воскликнулъ Титъ.

— Ты куда же это теперь, Салафіиль?—спросилъ Веспасіанъ.

— Въ Іудею, къ своимъ.

— Бунтовать своихъ—улыбнулся покоритель Британіи.

— Нѣтъ, благородный Веспасіанъ, усмирять: пусть воздадутъ кесарю кесарево.

— Отвѣтъ... достойный римлянина. Жаль мнѣ твоихъ заблужденій, благородный Салафінъ,—задумчиво проговорилъ Веспасіанъ.—Твое золото когда-то помогло мнѣ завоевать Британію. Гдѣ оно теперь?

— Теперь мое золото завоевало царство болѣе могучее, чѣмъ Римъ и болѣе вѣчное, чѣмъ опъ,—загадочно отвѣчалъ старикъ.

— Безумецъ! Безумныя слова!—пожалъ плечами Веспасіанъ.—Иди же усмирай своихъ іудеевъ, а вслѣдъ за тобой приду и я: посмотримъ, кто скорѣй усмирить ихъ, твой ли посохъ или мой мечъ... А ты, Варнава бенъ-Іоашуа, слѣдуй за мной: у насъ съ тобой будетъ дѣло.

— Я зналъ это,—отвѣчалъ тотъ.

Веспасіанъ, Титъ и Варнава бенъ-Іоашуа пошли далѣе, а за ними послѣдовала и стоявшая въ нѣкоторомъ отдаленіи свита римскаго полководца.

ГЛАВА II.

Тихая, ясная ночь стояла надъ Галилеей. Полная луна обливала своимъ серебристымъ свѣтомъ грозный римскій лагерь, на нѣсколько квадратныхъ верстъ раскинувшійся у сѣрыхъ, мрачныхъ стѣпъ Іотапаты, галилейской твердыни, въ которой засѣли іудеи подъ предводительствомъ своего военачальника, Іосифа Флавія, знаменитаго автора «Іудейской войны» и «Іудейскихъ древностей».

Дивная, божественная ночь Іудей! Казалось, невидимый, непостижимый творецъ этой ночи и всего сущаго, грозный и благій Іегова, въ эти тревожные дни, переживаемые избраннымъ имъ народомъ, посылалъ своему народу эти дивныя ночи, какъ покровъ свой, какъ успокоеніе отъ бранныхъ тревогъ, отъ всего ужаснаго, что творилось въ это роковое время во всей обреченной гибели Іудей... Божественная ночь!

Отъ крѣпостныхъ стѣнъ Іотапаты, отъ ея башенъ и бойницъ черныя тѣни тянутся по направленію къ римскому лагерю. Что-

то зловѣщее чудится въ мертвой тишинѣ уснувшей крѣпости. Могильный мракъ напоминаютъ эти тѣни, легшія между обреченной гибели крѣпостью и многочисленнымъ, грознымъ непріателемъ, ее обложившимъ.

Облпты серебристымъ свѣтомъ полной луны и безчисленныя палатки римскаго лагеря. Чѣмъ-то въ родѣ фантастическаго храма кажется высокій шатеръ Веспасіана, занимающій самую середину лагеря. Тѣнь отъ него ложится на сосѣднюю палатку Тита, въ которой тускло мерцаетъ огонекъ. Тутъ же блѣютъ верхи палатокъ Агриппы II, недостойнаго царя Іудеи, давно отдавшего себя въ рабство Риму, Антиоха, царя гористой Коммагены, и Малха, царя Каменистой Аравіи или Петры. Кое-гдѣ, у окоповъ и у воротъ лагеря сверкнетъ свѣтъ луны на остріѣ копья часового, и снова погаснетъ, какъ потухшая искра. Въ горахъ, обступившихъ Іотопату съ востока и сѣвера, зловѣще перекликаются ночныя птицы...

Тихо двигаются по стѣнамъ уснувшей крѣпости тѣни часовыхъ іудеевъ... Что-то ожидаетъ завтра обреченную гибели крѣпость?.. Не устоять ей противъ безчисленныхъ ратей врага... Сколько хватить глазъ въ эту лунную ночь, далеко-далеко блѣютъ его палатки...

Кто-то выходитъ тамъ изъ палатки Тита... это опъ самъ юный сынъ военачальника, предводитель приведеннаго имъ изъ Египта XV-го легіона. Молодому полководцу ше спится... Да и какъ двадцатипятилѣтнему юношѣ, пылкому римлянину, спать въ эту дивную весеннюю ночь Іудеи, когда само солнце Іудеи заглянуло въ его пламенное сердце!

Вереника, іудейская царевна, сестра царя Агриппы, сказала ему сегодня:

— Сотри съ лица земли мятежную Іотопату и возврати намъ съ братомъ престолъ непокорнаго Іерусалима и я буду твоей женой...

Титъ завернулся въ плащъ и прислонился къ рычагу стоявшей на валу баллисты *), глядя на высившуюся впереди вражескую крѣпость.

Охваченный неиспытываемымъ доселѣ чувствомъ, которое, какъ пожаръ, вспыхнулъ въ немъ, опъ невольно перенесся въ

*) Метательный снарядъ. (

свое прошлое... Съ самой ранней юности, слѣдуя за легіонами отца въ его непрерывныхъ походахъ то по Оракіи, то по туманной Британіи и знойной Африкѣ, онъ не испытывалъ ничего, что онъ теперь чувствуетъ. Еще такъ недавно, въ Ахайѣ, въ Олвахъ послѣ рѣчи императора, когда отецъ отправлялъ его въ Египетъ принять начальство надъ XV-мъ легіономъ, Титъ чувствовалъ въ своей душѣ одного бога, бога войны... Этотъ бурный переѣздъ изъ Эллады въ Африку, когда безнощадный трезубецъ Нептуна вздымалъ до облаковъ и пѣнилъ бѣшеное море; эти знойныя пустыни Идумеи, черезъ которыя онъ слѣдовалъ съ своимъ легіономъ въ Птолемаиду, гдѣ его ожидалъ отецъ съ своими легіонами, все это только радовало его мужественную душу ожиданіемъ будущихъ подвиговъ.

И вдругъ, въ Птолемаидѣ, эта іудейка, прибывшая туда съ братомъ, съ царемъ Іудеи, Агриппою, который привелъ въ Птолемаиду вспомогательное войско для Веспасіана...

— Кто здѣсь?—послышался за спиной окликъ часового.

Титъ обернулся и свѣтъ луны упалъ на его лицо. Часовой узналъ молодого полководца и преклонилъ копье.

— Ночной пароль?—спросилъ Титъ, желая испытать часового.

— Вереника,—чуть слышно шепнулъ послѣдній.

Титъ вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ, что Веспасіанъ на нынѣшнюю ночь почему-то избралъ паролемъ имя іудейской царевны.

Титъ отправился дальше вдоль окоповъ, повѣряя часовыхъ, лишь бы отогнать неотвязчивыя мысли...

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Вереника такъ всецѣлно завладѣла всѣми помыслами и волею молодого римлянина. Красота этой іудейки была поразительна. Въ крови и наружности ея соединились дивная помѣсь библейской іудейки съ кровью и типомъ идумеянки: по крови матери она происходила отъ Маккавеевъ, а по крови отца прямо отъ Ирода, того Ирода, имя котораго и дѣянія долго гремѣли по всей землѣ, отъ Іордана, отъ Тигра и Евфрата въ Азіи до дальнихъ водопадовъ Нила, до зеленыхъ водъ Тамезы, въ туманной Британіи, до свѣтлыхъ струй Секваны (Сена) въ Галліи и до мутныхъ водъ Бэтиса (Гвадалquivиръ) въ Испаніи.

Въ это время Вереника покоилась на своемъ ложѣ въ палаткѣ и вела разговоръ съ братомъ.

— Ты замѣтилъ, что сегодня вечеромъ Веспасіанъ далъ мѣ имъ паролемъ на эту ночь?—спросила Вереника.

— Да, замѣтилъ,—хмурясь отвѣчалъ Агриппа.

— Это все для тебя, мой царь,—загадочно пояснила царица.

— Что для меня? — недовольнымъ тономъ спросилъ Агриппа.

— Да, это очень важно для военачальниковъ, которыхъ долженъ возвратить тебѣ потерянный тронъ Іудей.

— Онъ мною не потерянь! — высокомерно возразилъ Агриппа.

— Что же, ты возишь его съ собою на сѣдлѣ твоего коня, на которомъ ты, какъ военнопленный, трясешься у стремена Веспасіана и Тита?—задорно кинула Вереника.

— Но я царь Іудей,—пастаивалъ Агриппа.

— Мѣсто царя Іудей въ Іерусалимѣ... А тебя «рыжій» и въ Иотпату не пускаетъ, какъ провинившагося школьника,—не унималась Вереника.

— «Рыжій»? Это Іосифъ Флавій?

— Да... Онъ теперь на самомъ дѣлѣ царь Іудей... Онъ избранъ въ защитники твоего народа... твоего!.. Какою злою привычкою звучитъ это слово!

Агриппа вскочилъ и со злобою на лицѣ зашагалъ по палаткѣ.

— Ты меня не слушалъ,—продолжала Вереника,—когда я тебѣ еще при Цестѣ Галлѣ говорила, когда онъ изъ Антиохіи двигался съ XII-мъ легиономъ въ Іудею, уклоняться всѣми способами отъ помощи Цестію. Одного легиона недостаточно для усмиренія возстанія въ Іерусалимѣ.

— Но къ нему тогда присоединился съ своимъ войскомъ и Антиохъ, царь Коммагены,—возразилъ Агриппа.

— Что же, и этого было мало... Я была права: Цестія разбили твои подданные, подданные, противъ которыхъ ты шелъ въ хвостъ Цестія... У него теперь три полныхъ легиона, V-й, X-й и XV-й, что у Тита,—продолжала Вереника.—Не забудь, въ Птолемаидѣ къ этимъ тремъ легионамъ присоединилось еще восемнадцать когортъ, да пять когортъ съ сильнымъ коннымъ отрядомъ.

прибыли изъ Кесарій и, кромѣ того, еще пять когортъ сирійскихъ всадниковъ. Теперь сочти наши силы...

— Наши!—презрительно пожалъ плечами Агриппа.

— Да, наши!—гордо отвѣчала дѣвушка.—Наши, пока левъ смотреть въ мои глаза и облизывается, а его сынокъ отъ моего ласковаго взора превращается въ моего раба... Да, такъ сосчитаемъ наши силы, именно наши!

— Ну, «твой», пусть!—махнулъ рукою царь безъ царства.

— Три легіона это 30,000—считала энергичная правнучка Ирода, — десять когортъ, по тысячѣ каждая, 10.000; тринадцать когортъ по 600, это 7,800; десять отрядовъ конницы по 120 это 1,200; отряды Алтіоха, Соема и твои по двѣ тысячи пѣшихъ и по тысячѣ конныхъ, 4,500, да аравитянъ Малха тысяча всадниковъ и пять тысячъ пѣхоты, 6,000... Теперь считай...

— Давно сосчитаны...

— То-то! Больше 60,000 смертей мы несемъ съ собою...

— Смертей!.. Кому?

— Твоимъ врагамъ... Да прикинь сюда громадныя обозы съ служителями-воинами... Этого «рыжій» не ожидалъ... Онъ думалъ, что когда Іерусалимъ изберетъ его главою іудейскаго народа, то я буду его женой... Онъ намекалъ мнѣ объ этомъ...

— Это Іосифъ Флавій!—грозно подошелъ къ сестрѣ пораженный неожиданностью Агриппа.—И ты не говорила мнѣ объ этомъ!

— Я щадила тебя, потому что люблю моего милаго, пѣжнаго брата... А «рыжій» тогда былъ сильнѣе тебя... Онъ погубилъ бы тебя, чтобы достигнуть своей цѣли. Впрочемъ, его бы постигла участь Олоферпа...

То, что Агриппа узналъ отъ сестры, повергло въ ярость этого безвольнаго и безсильнаго потомка Ирода. Во время смутъ въ Іерусалимѣ еще при Цестіѣ, онъ слѣпо вѣрилъ Іосифу, одному изъ самыхъ способныхъ среди евреевъ и совѣтывавшему ему ладить съ римлянами, какъ ладилъ Иродъ, умнѣйшій и энергичнѣйшій изъ всѣхъ царей Іудеи послѣ первыхъ Маккавеевъ. При Иродѣ могущество и силу Іудеи испытывали на себѣ всѣ сосѣднія царства...

— Иди по стопамъ Ирода,—часто говорилъ Іосифъ Агриппѣ.

И вдругъ этотъ лукавый совѣтникъ самъ возсталъ на римлянъ. Мало того, онъ подкапывался тайно подъ тронъ Агриппы...

А его замыслы противъ Вереники, его гнусныя интриги... Отнять у него любимую сестру! Обѣщать ей свой преступный бракъ и тронъ!

Агриппа глянулъ на сестру. Она лежала съ закрытыми глазами.

— Я спать хочу, уходи,—прошентала она.—Я хочу уснуть до приступа...

— А развѣ приступъ назначенъ на утро?—встрепенулся Агриппа.

— А ты и этого не знаешь?... О, царь!..

Агриппа, еще разъ взглянувъ на сестру, торопливо вышелъ изъ ея палатки.

ГЛАВА III.

Въ одной изъ сосѣднихъ палатокъ тоже свѣтился огонекъ. Это была палатка богатаго римскаго ростовщика, Варнавы бенъ-Юшуа, котораго мы уже видѣли въ Оивахъ въ день отплытія отсюда Нерона. Варнава былъ поставщикомъ золота и продовольствія для римскаго войска. Агенты его и комиссіонеры сновали по всей Іудеѣ, Самаріи и Галилеѣ и лучше шпионовъ Веспасіана знали, что творится въ возставшей противъ римлянъ странѣ.

У него въ палаткѣ находился и знакомый уже намъ старикъ Салафіилъ, тоже бывший богатый ростовщикъ, въ послѣдніе годы раздавшій свое имѣніе бѣднымъ и теперь самъ сдѣлавшійся нищимъ!

— Да, губять, сами себя губять ослѣвленные іудеи,—говорилъ онъ какъ бы самъ съ собою, качая головой.—А все по невѣдѣнію: вздумали сопротивляться злу насиліемъ.

— А! Ты опять свое, непротивленіе!—небрежно махнулъ рукою Варнава.—Ты лучше расскажи, что дѣлается въ Іерусалимѣ и другихъ городахъ.

Салафіилъ только что воротился изъ Іерусалима.

— Не собираются итти на выручку Ютапаты?—продолжалъ Варнава.

— Пока еще нѣтъ,—отвѣчалъ Салафіилъ.—Вся Іудея обезумѣла. Горе народу Израилеву! Пришли его послѣдніе дни. Не спасетъ своего города Іегова,—говорилъ старикъ въ раздумѣ.

— Да это и отецъ мой говорилъ раньше, когда еще при